

DOI: 10.31696/S086919080031357-9

ЛОЖНЫЙ ВЫБОР МЕЖДУ ПРОРОССИЙСКИМ И БЕЗЪЯДЕРНЫМ ИРАНОМ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО¹

© 2024

А.Р. МАРГОЕВ ^a, А.А. ТОКАРЕВ ^b, Л.М. РАВАНДИ-ФАДАИ ^c

^a – Институт международных исследований МГИМО, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3349-6941; a.margoev@inno.mgimo.ru

^b – Институт международных исследований МГИМО, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8196-0518; a.tokarev@inno.mgimo.ru

^c – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7964-6335; ravandifadai@yahoo.com

Резюме: Настоящее исследование задумано как попытка доказать тезис о том, что, даже если Иран проводил бы пророссийский внешнеполитический курс, то в интересах России было бы сохранить безъядерный статус Ирана. В первой статье авторы разбираются в том, насколько пророссийским можно считать современный Иран и готовы ли Россия и Иран к стратегическому партнёрству. Несмотря на то, что руководство Ирана проявило понимание российской позиции в конфликте на Украине, иранское население проявляет эмпатию скорее по отношению к украинцам, а оппозиция считает, что Иран больше других заплатил цену за поддержку России в этом конфликте. Иранские эксперты задаются вопросом, насколько серьёзно Москва намерена выстраивать стратегическое партнёрство с Тегераном. Российские документы стратегического планирования не предлагают внятных критериев для ответа на этот вопрос, поэтому отечественным специалистам приходится самостоятельно оценивать задел двустороннего сотрудничества для выхода на стратегический уровень. Российско-иранские отношения держатся на сложной исторической, переменчивой геополитической и зыбкой экономической основе. Иранская историческая память сохранила преимущественно негативные страницы о России. А переменчивый геополитический расчёт России и Ирана в последние три десятилетия был обусловлен зыбким фундаментом их экономического сотрудничества: обоим было выгоднее взаимодействовать со странами Запада, нежели друг с другом. Если российско-иранское партнёрство и можно назвать стратегическим, то только авансом. Определяющее качество этих отношений выражается в том, что, согласно договору 2001 г., в случае конфликта с третьими странами Москва и Тегеран должны лишь отказаться от содействия противникам, но спустя 20 лет они готовы ещё и поддерживать друг друга. Более того, руководству двух стран отныне недостаточно военно-политического взаимодействия – впервые сотрудничество развивается по всем доступным направлениям. Главный открытый вопрос – насколько устойчивым окажется это стремление.

Ключевые слова: Россия, Иран, внешняя политика, стратегическое партнёрство, ядерная программа, нераспространение

Для цитирования: Маргоев А.Р., Токарев А.А., Раванди-Фадаи Л.М. Ложный выбор между пророссийским и безъядерным Ираном: существует ли стратегическое партнёрство. *Восток (Oriens)*. 2024. № 4. С. 89–101. DOI: 10.31696/S086919080031357-9

¹ Данная работа была выполнена при поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта № 2023-03-02. Авторы благодарят магистранта МГИМО Кристину Ермак за помощь в оформлении статьи.

FALSE CHOICE BETWEEN PRO-RUSSIAN AND NON-NUCLEAR IRAN: IS THERE A STRATEGIC PARTNERSHIP?

© 2024 Adlan R. MARGOEV ^a, Alexey A. TOKAREV ^b, Lana M. RAVANDI-FADAI ^c

^a – Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3349-6941; a.margoiev@inno.mgimo.ru

^b – Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8196-0518; a.tokarev@inno.mgimo.ru

^c – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7964-6335; ravandifadai@yahoo.com

Abstract: *This study is an attempt to prove that even if Iran pursued a pro-Russian foreign policy, it would be in Russia's interests to maintain Iran's non-nuclear status. In the first article, the authors examine to what extent modern Iran can be considered pro-Russian and whether this relationship qualifies for a strategic partnership. Though the Iranian leadership has shown understanding of the Russian position in the Ukrainian conflict, Iranians are more likely to sympathize with Ukrainians, and the opposition leaders believe Iran paid the highest price for supporting Russia in this conflict. Iranian experts wonder how seriously Moscow pursues a strategic partnership with Tehran. Russian strategic documents do not offer any clear criteria to answer the question, so scholars have to assess whether the bilateral partnership can reach the strategic level. Russian-Iranian relations are based on a complicated historical, erratic geopolitical and shaky economic foundation. Iranian historical memory about Russia is largely negative, and the fickle geopolitical calculus of Russia and Iran over the past three decades has been driven by the weak foundation of their economic cooperation. Given that, the Russian-Iranian partnership can be called strategic only in advance. Its decisive quality lies in the fact that under the 2001 treaty, in case of a conflict with third countries, Moscow and Tehran had only to refuse assistance to their opponents, but 20 years later they can support each other as well. Moreover, their cooperation is developed in areas far beyond the military-political domain. The question is how sustainable this endeavor will be.*

Keywords: Russia, Iran, foreign policy, strategic partnership, nuclear program, nonproliferation

For citation: Margoiev A.R., Tokarev A.A., Ravandi-Fadai L.M. False Choice Between Pro-Russian and Non-Nuclear Iran: Is There a Strategic Partnership? *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 4. Pp. 89–101. DOI: 10.31696/S086919080031357-9

После февраля 2022 г. новая фаза конфликта на Украине побудила лиц, принимающих внешнеполитические решения, и специалистов по международным отношениям заново поставить вопрос о том, кого считать российскими союзниками и партнёрами. Непривычно значимое место среди кандидатов занял Иран, объём дипломатических контактов с которым у России кратно увеличился после 2014 г. Предметом дискуссии стал не только характер двусторонних отношений, но и отношение России к иранской ядерной программе.

Некоторые обозреватели предполагали, что после введения масштабных санкций против России в 2022 г. её руководству будет выгоднее отказаться от поддержки переговоров по возобновлению Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) 2015 г. По этому соглашению Иран ограничивал свою ядерную программу в обмен на снятие западных санкций, пока США не вышли из него в 2018 г. Профессиональные иранисты и

специалисты по санкциям приводили экономический аргумент: если переговоры сорвутся и Тегеран останется под санкциями, он не сможет компенсировать странам Запада отказ от российской нефти и предоставить их компаниям привилегированный доступ к своему рынку. Специалисты по энергетике предупреждали о рисках возвращения иранской нефти на мировой рынок ещё до того, как против России были введены масштабные санкции – опасения сохранились на фоне переговоров Ирана и США об освобождении американских заключённых и разморозке иранских денежных средств. Среди специалистов-международников общего профиля встречался политический аргумент: в условиях антироссийской политики США и стран Евросоюза Москва не должна помогать им вести переговоры с Тегераном и применять американские подходы по нераспространению к Ирану.

Мы присоединяемся к дискуссии вокруг Ирана о принципиально разных сущностях, в которой смешиваются два типа политики: внешняя и внутренняя. Первая дихотомия (пророссийский/антироссийский) и вторая (обладающий ядерным оружием/безъядерный) сознательно пересекаются в нашем исследовательском вопросе, постулированном в заглавии. Мы стремимся доказать, что, даже если Иран проводил бы пророссийский внешнеполитический курс, в интересах России было бы сохранить безъядерный статус Ирана. В качестве аргументов в первой статье мы разбираем следующие вопросы: насколько пророссийским можно считать современный Иран и готовы ли Россия и Иран к стратегическому партнёрству?

КРИТИКА ЗА ПРОРОССИЙСКИМ ФАСАДОМ

Внешнеполитическая линия Ирана относительно России в последние годы включает три сюжета, воспринимаемых иранскими элитами неоднозначно. Два первых имеют серьёзное геополитическое измерение и символическую важность, третий не является таковым.

Украинский конфликт

В условиях полномасштабного включения стран Запада в войну на Украине Иран выразил солидарность с Россией, из-за чего стал восприниматься как пророссийский. Принимая президента России в июле 2022 г., верховный лидер Ирана заявил, что если бы Россия не противостояла НАТО на Украине, то под предлогом возвращения Крыма под контроль Киева военный альянс сам начал бы войну. Назвав расширение НАТО на Восток главной причиной событий 2022 г., Али Хаменеи затронул злободневную национальную травму. Она оказалась и самой удобной, потому что уже пятое десятилетие Иран легитимизирует свою внешнюю политику борьбой с западным гегемонизмом.

Иран поддержал Россию не только на словах. На протяжении нескольких месяцев глава МИДа Хосейн Амир Абдоллахиан опровергал обвинения о поставке России беспилотников для применения в боевых действиях на Украине, признав в ноябре 2022 г., что Россия получила небольшую партию за несколько месяцев до начала боевых действий.

Геополитическая симпатия официального Ирана к России не отменила гражданскую эмпатию иранцев к украинцам. Социологические опросы подтвердили противоречивое отношение иранцев к боевым действиям на Украине. В апреле 2022 г. Иранский студенческий центр опроса общественного мнения² выяснил, что лишь 6,6% опрошенных выступали

² ИСПА — ведущий центр прикладных социологических исследований в Иране. С 2001 г. он реализовал более 2000 проектов для государства и бизнеса, среди которых флагманскими считают общенациональные опросы накануне президентских и парламентских выборов. В нём работают больше 40 исследователей, ещё около 5000 студентов помогают проводить опросы.

за Россию, 14% – за Украину, 64,5% – за нейтралитет; 15% не ответили на вопрос или не определились со своим мнением [Negaresh-e Mardom-e, 2022]. Выборка телефонного опроса по всей стране – 2088 человек. Подробные данные о методологии не опубликованы.

Проведённое в июне–июле 2022 г. исследование Мэрилендского университета продемонстрировало³, что 28% считали действия России самообороной, тогда как 55% – вторжением. 7% назвали ответственными за боевые действия украинскую сторону, 31% – российскую, 3% – обеих, 12% – США и Россию, 29% – США/НАТО/ЕС/западные страны [Gallagher et al., 2022].

Поддержкой иранского общества пользуются и те, кто критикует власти за поддержку России в конфликте на Украине, апеллируя к исторической памяти. Это не только реформаторы-оппозиционеры, но и консерваторы. Мы цитируем бывших должностных лиц, поскольку они выражают своё настоящее мнение по поводу происходящих событий. Действующие чиновники могут разделять эти мнения, но не озвучивать их публично в силу занимаемых должностей.

Бывший зампред Меджлиса консерватор Али Мотахари призывал руководство «продемонстрировать независимость, осудить агрессию России против Украины и помнить о том, что Россия отделила Грузию, Азербайджан и Армению от Ирана, а в советский период подержала нападение Саддама Хусейна» [Motahari, 2022]. Экс-посол в Москве (1990–1994) Нематолла Изиди усомнился в том, что власти трезво оценили потенциальные выгоды и издержки участия в конфликте на Украине, а решение было достигнуто в координации между силовиками и дипломатами [Be Nazar, 2022]. По версии экс-командующего ВМС КСИР Хосейна Алаи, Россия специально «трубила» в прессе о покупке иранских дронов, чтобы не оставаться под санкциями одной, усилить давление на Иран и ограничить его независимую внешнюю политику [Tahlil-e Sardār, 2022].

Экс-министр иностранных дел Мохаммад Джавад Зариф предупредил о том, что заключить с кем-то постоянный союз – все равно что «сесть в лужу». По его словам, Китай не предоставляет вооружения России, потому что между ними нет союза, а Иран ошибся, допустив, что Россия может быть союзником [Zarif, 2023]. «Иранские дипломаты не понимают, что страны, которых Иран называет друзьями, изолируют его не меньше врагов, – согласился с Зарифом бывший председатель комиссии Меджлиса по национальной безопасности и внешней политике реформист Хешматолла Фалахатпише. – Ни одна страна в мире не заплатила за войну России на Украине больше, чем Иран» [Rushā, 2023].

Статус островов в Персидском Заливе

Второй сюжет российско-иранских разногласий возник из-за статуса трёх островов, которые ОАЭ оспаривают у Ирана. В совместном заявлении Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива и России в июле 2023 г. Москва поддержала все мирные усилия, в том числе инициативу и усилия ОАЭ по достижению мирного решения спора, касающегося трёх островов – Большого Томба, Малого Томба и Абу-Муса, – путём проведения переговоров на двусторонней основе или посредством обращения в Международный Суд ООН.

Иран не признаёт территориальные приобретения России после 2014 г., но позиция России по островам оказалась для него чувствительной. Чтобы понять иранскую реакцию, достаточно представить ситуацию, в которой Иран подписал бы с Японией заявление в

³ Мэрилендский университет заказывает социологические исследования в Иране с 2008 г. Их по телефону проводит канадская служба *IranPoll* в составе компании *VoxNation*. Выборка составляет 1014 человек, погрешность результатов – 3,1%.

поддержку мирного решения вопроса о принадлежности Курильских островов с помощью двусторонних переговоров⁴.

Иранский МИД ограничился вызовом российского посла, но символически важной реакцией на российско-арабское заявление стала встреча с японским послом Сейеда Камаля Харрази – главы Стратегического совета по международным отношениям, который обеспечивает верховного лидера аналитикой. Харрази заявил, что Иран «принципиально выступает против военного вмешательства, нарушения суверенитета и территориальной целостности других стран» и назвал прямые переговоры между Россией и Японией лучшим способом урегулировать территориальный вопрос [Azsargiri-ye Mozākerāt, 2023].

Дипломатический инцидент между Россией и Ираном можно было бы считать исчерпанным, если бы он не повторился спустя полгода. Во второй раз реакция иранской общественности оказалась острее. Советник верховного лидера по международным делам Али Акбар Велаяти напомнил, что «стратегические и дружественные отношения между Ираном и Россией даются непросто», сожалея, что «под политическим давлением Россия портит свою репутацию» [Enteghād-e Sarih-e, 2023].

Депутаты Меджлиса выступили более открыто. Фадахосейн Малеки назвал российско-арабское заявление стратегической ошибкой России, «потому что таким образом она разочаровывает наиболее важного сторонника в регионе», а Моиноддин Саиди заявил, что «быть русофилом и синофилом столь же вредно для внешней политики Ирана, сколько быть американофилом и англофилом» [Hich Keshvar-i, 2023]. Наиболее резко выразился Ахмад Надери: «Русские уже второй раз неуместно высказываются по вопросу, который их не касается. Пускай сначала ответят за оккупацию Крыма, развязывание войны и убийство украинского народа» [Enteghād-e Shadid-e, 2023].

Руководство Ирана могло бы учесть эту критику и пересмотреть внешнеполитический курс, но Великобритания, Германия и Франция не предоставили ему альтернативного выбора. После безуспешно завершившегося августовского раунда в 2022 г. «Евротройка» не вернулась к переговорам по восстановлению ядерной сделки. Они обвинили Иран в том, что тот нарастил темпы обогащения урана, препятствовал полноценному мониторингу ядерной программы со стороны МАГАТЭ, поставил России беспилотники и жестоко подавил протесты после гибели Махсы Амини, задержанной полицейскими за неправильное ношение хиджаба.

Позиция США оказалась более гибкой. В октябре 2022 г. спецпредставитель по Ирану Роберт Малли подтвердил, что переговоры по восстановлению СВПД «вне фокуса и повестки дня» американского правительства, и раз ничего не происходит на ядерном треке, а в это время в Иране идут протесты, то США «не будут тратить время зря». Однако американские дипломаты продолжили закрытый переговорный процесс, чтобы освободить политических заключённых, сдержать развитие иранской ядерной программы и военно-техническое сотрудничество с Россией.

В августе 2023 г. США и Иран при посредничестве Омана, Катар и Швейцарии достигли новых договорённостей, согласившись освободить пятерых заключённых с двойным ирано-американским гражданством, ограничить уровень обогащения урана до 60%, прекратить атаки подконтрольных сил на американцев в Сирии и не передавать России баллистические ракеты. В свою очередь, США позволили разблокировать 6 млрд долл. на южнокорейских счетах и перевести их в катарский банк для дальнейшего использования в гуманитарных целях. США освободили пять иранских граждан, обвинённых в обходе санкций, договорились не ужесточать санкции, не захватывать танкеры с иранской нефтью и не добиваться новых антииранских резолюций в ООН и МАГАТЭ.

⁴ Несмотря на уникальность всех случаев, мы приводим для сравнения курильский, а не крымский кейс, чтобы описать отношение иранцев к островам, которые они контролируют с 1971 г.

Новые договорённости не были зафиксированы на бумаге, чтобы избежать их согласования в Конгрессе, но реализация этих договорённостей требовала подготовки общественного мнения с обеих сторон. 11 июня 2023 г. Али Хаменеи заявил, что «нет ничего плохого в том, чтобы договориться (по ядерной программе – прим. авт.), но трогать ядерную инфраструктуру нельзя» [Rahbar-e Enghelāb, 2023]. Бывший вице-президент и глава Организации по атомной энергии Али Акбар Салехи выступил с более смелым предложением – начать комплексный диалог с США по военным, политическим и экономическим вопросам. Однако ирано-американские договорённости потеряли силу после обострения палестино-израильского конфликта в октябре 2023 г., а их перспектива зависит от президентских выборов в США в 2024 г. Тем, кто говорит об упадке США, он рекомендовал не ждать ещё 30 лет, пока США не упадут окончательно, а сейчас же начать решать проблемы Ирана [Pishnehād-e, 2023].

Возможный взлом иранских сайтов

Третий сюжет свидетельствует о вероятных сложностях в отношениях двух государств и строится вокруг неподтверждённого непубличного ответа иранцев на политику России. Он несопоставим по значимости с большим геополитическим противостоянием Запада и России на Украине и важнейшим для Ирана символическим спором вокруг островов в Персидском заливе, но заслуживает внимания читателя.

Якобы полученный после взлома иранских правительственных ресурсов документ намекает на то, что власти Ирана продумывали вариант договориться с европейцами о прекращении поддержки России в обмен на снятие санкций. Достоверность и ведомственную принадлежность документа подтвердить невозможно.

Потенциальные плюсы: Иран сможет разморозить переговоры по восстановлению ядерной сделки, снизить напряжённость в отношениях с Евросоюзом, избежать политической изоляции на международной арене и международно-правовых последствий для своих граждан и правительства за соучастие в военном конфликте на Украине, остановить принятие новых западных санкций, введённых под предлогом этого конфликта, и сохранить дипломатические отношения с Украиной.

Минусы: недовольная таким поворотом Россия ответит явным или скрытым образом, партнёры сочтут Тегеран ненадёжным, а европейцы вынудят переступить через красную черту и начать переговоры об ограничении ракетной программы [Kia, 2023].

Авторы документа рекомендуют иранским властям:

1) предупреждать европейцев о том, чтобы те не толкали Иран в сторону России и не вынуждали Тегеран искать экономическую выгоду в отношениях с Москвой;

2) изучить возможность пакетной сделки с европейцами, в которой тесное сотрудничество с Россией будет одним из рычагов давления (отмечается, что такой вариант поддержат не все институты, участвующие в выработке внешней политики);

3) подчеркивать на переговорах с европейскими странами, что Украина преувеличивает роль Ирана в конфликте;

4) напоминать европейцам о том, как они поддерживали Ирак во время ирано-иракской войны, французы поставляли ракеты и самолеты, а Германия – химическое оружие, несмотря на то что нападавшей стороной был Ирак;

5) указывать на нестыковку в позиции европейцев, которые якобы получают от украинцев информацию с подтверждением иранского участия в украинском конфликте, но никаких документов не предоставляют иранской стороне.

Допустимо, что документ был сфабрикован для размещения на сайте иранской оппозиционной группировки. Тем значимее реакция руководителя СВР спустя неделю после

публикации документа: «Если говорить о взаимодействии спецслужб России и Ирана, то это взаимодействие на хорошем уровне. Я в конце прошлого года был там. Прошли большие, содержательные встречи, которые вылились, в том числе, в содержательное взаимодействие. Мой заместитель был в командировке в Иране, проведена хорошая работа... У нас нет каких-либо сигналов о том, что Иран планирует отвернуться от России, всё наоборот», – заявил Сергей Нарышкин [Нарышкин, 2023].

Пока в российско-иранских отношениях сохраняется статус-кво, на закрытых экспертных встречах, которые принято называть дипломатией «второй дорожки», иранские коллеги по правилу *Chatham House* задают предельно прямые вопросы. Их постановка отражает такое восприятие российско-иранского сближения в Иране, будто над укреплением двустороннего сотрудничества работать предстоит только России, а Иран уже всё для этого сделал:

- Что Москва поставит Тегерану взамен беспилотников? Истребителей Су-35 собеседникам кажется недостаточно.

- Какому риску Москва себя подвергнет ради иранских интересов безопасности? Поставив России беспилотники, Иран принял риск того, что западные переговорщики откажутся от соглашения по ядерной программе и сохранят санкции против Ирана. В ответ Тегеран ждёт от Москвы шагов, которые защитят Иран от Израиля.

- А что Россия сделала для того, чтобы международный транспортный коридор «Север–Юг» не только существовал два десятилетия на бумаге, но и заработал на практике? Строительство железной дороги между иранскими городами Решт и Астана будут задерживать так же, как затягивалось строительство АЭС в Бушере?

- Будет ли Россия по-настоящему вкладываться в энергетический сектор Ирана? Ведь Москва и Тегеран «воюют» друг с другом за китайский нефтяной рынок, соревнуясь в размере скидки для Пекина.

- Где гарантия, что после завершения конфликта на Украине и снятия антироссийских санкций Москва продолжит работу с Тегераном? Действительно ли Москва считает Иран своим стратегическим партнёром?

Таков список если не претензий, то вопросов, которые реально заботят иранскую сторону и которые она неофициально обозначает как важные для сохранения стратегического партнёрства. Попробуем понять, как подобный уровень сотрудничества воспринимается с российской стороны – в доктринальных документах и политической реальности.

НЕОЧЕВИДНЫЕ КРИТЕРИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА

Готовы ли Россия и Иран к стратегическому партнёрству? Обратившись к документам стратегического планирования и адресовав этот вопрос их авторам, российский международник не получит чёткого ответа. В Концепции внешней политики 2023 г. категория «союзники и партнёры России» употребляется 19 раз, но в документе нет ни перечня, аналогичного законодательно оформленному списку недружественных государств, ни критериев причисления государств к условно дружественным. Получается, что соперников официальная Россия идентифицирует лучше партнёров и союзников.

Помимо закреплённого в отдельных декларациях «союзнического взаимодействия» с Азербайджаном и «углублённого стратегического партнёрства» с Алжиром, в упомянутой Концепции приводится семь формулировок, которыми характеризуются положительные отношения России со следующими государствами:

- 1) «стратегическое взаимодействие» (Белоруссия);
- 2) «всеобъемлющее партнёрство и стратегическое взаимодействие» (Китай);
- 3) «особо привилегированное стратегическое партнёрство» (Индия);

- 4) «всеобъемлющее и доверительное взаимодействие» (Иран);
- 5) «многоплановое обоюдывыгодное партнёрство» (Турция, Саудовская Аравия, Египет, Бразилия, Куба, Никарагуа, Венесуэла);
- 6) «всесторонняя поддержка» (Сирия);
- 7) «всеобъемлющая поддержка» (Абхазия, Южная Осетия) [Концепция, 2023].

Эти формулировки, во-первых, не способны отразить реальный статус отношений с партнёрами: очевиден вопрос, например, об объёмах «стратегического взаимодействия» России с Белоруссией и Китаем, взаимодействие с которыми названо похожим образом. Во-вторых, формулировки не поддаются иерархическому упорядочиванию. Для эмпириков разница между ними скорее стилистическая, нежели семантическая, а попытки академических специалистов операционализировать разницу между российско-иранскими и российско-турецкими отношениями, опираясь на формулировки из Концепции, оказываются умозрительными.

Уместно было бы сравнить характер и объём взаимодействия России со всеми странами, которые претендуют на стратегические отношения с Москвой. Для этого мы задаём общую рамку, которая позволяет оценить задел двусторонних отношений для выхода на уровень стратегического партнёрства по трём параметрам сотрудничества – военному, политическому и экономическому. Чтобы не размывать исследовательский фокус, в данной статье мы иллюстрируем только российско-иранский кейс (табл. 1).

Таблица 1.
Параметры российско-иранского взаимодействия⁵

№	Параметр	Индикатор
1. Военное взаимодействие		
1.1.	Размещение ядерного оружия	• Нет
1.2.	Размещение военных объектов	• Нет
1.3.	Совместные учения	• Военно-морские учения в Оманском заливе совместно с Китаем
1.4.	Поставки вооружений	• Поставка иранских беспилотных летательных аппаратов России (2021) • Договорённости о поставке Ирану Як-130, Су-35, Ми-28
2. Политическое взаимодействие		
2.1.	Признание территориальной целостности	• Иран не признаёт Крым и четыре новых региона частью России • Россия не оспаривает территориальную целостность Ирана, но поддерживает усилия по мирному решению вопроса о принадлежности трёх островов, которые оспаривают ОАЭ

⁵ Данные в таблице приведены на 09.01.2024 г., если не указано иное. Таблица составлена авторами на основе публикаций информационных агентств ТАСС и РИА Новости.

2.2.	Основополагающий договор	• Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества (2001) • «Практически согласован» договор о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве; документ может быть подписан на ближайшей встрече президентов
2.3.	Эпитеты и характеристика взаимодействия	• Развитие всеобъемлющего и доверительного взаимодействия
2.4.	Членство в ШОС	• Да
2.5.	Членство в БРИКС	• Да
3. Экономическое взаимодействие		
3.1.	Членство в ЕАЭС или соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ)	• Соглашение о свободной торговле от 25.12.2023 г. ожидает вступления в силу
3.2.	Поставка технологий или услуг	• Строительство железной дороги «Решт–Астара» в рамках коридора «Север–Юг» с выделением госкредита в 1,3 млрд евро; завершение ожидается в 2027 г. • АЭС в Бушере: первый энергоблок введён в эксплуатацию в 2011 г., идёт работа над вторым и третьим • Запуск построенного по заказу Ирана спутника дистанционного зондирования «Хайям» (2022)
3.3.	Поставка ресурсов	• Конкуренция на нефтяном рынке
3.4.	Объём, сальдо и номенклатура двусторонней торговли	• Максимальный объём товарооборота – 4,86 млрд долл. (2022) • Экспорт из России в три раза больше импорта из Ирана • Около 85% торговли приходится на агропром • 60% торговли проходит в рублях
3.5.	Объём взаимных инвестиций	• Россия – инвестор №1 в Иран (в 2022 2,76 млрд долл.) • Данные об иранских инвестициях в российскую экономику недоступны
3.6.	Прочие соглашения и проекты	• Меморандум о взаимопонимании между Газпромом и Национальной иранской нефтяной компанией в 40 млрд долл. (2022) • Открытие представительства ВТБ в Иране • Соглашение об упразднении виз для организованных групп • Кредитная линия Сбербанка 6,5 млрд руб. для импорта в Иран российских товаров первой необходимости • Соединение систем передачи финансовых сообщений без использования SWIFT

Опираясь, в том числе, на приведённую в таблице информацию и знание истории российско-иранских отношений, российские специалисты считают формулировку «стратегическое партнёрство» преждевременной, а Иран – «непростым партнёром и в ряде случаев ситуативным союзником» для России [Юртаев, 2015, с. 35–50; Сажин, Карамин, 2017, с. 11–13]. Эти отношения держатся на сложной исторической, переменчивой геополитической и зыбкой экономической основе.

Сложная историческая основа двусторонних отношений заключается в том, что для обычного россиянина Иран – это совокупность образов древней Персии из учебника истории и русской литературы XIX–XX вв. и теократической республики с ядерными технологиями из современной прессы. Россия обычного иранца мифологизирована и связана с преимущественно болезненными сюжетами современной иранской истории: от потери южнокавказских территорий по Туркманчайскому договору до ввода советских войск в Иран и их позднего вывода на фоне Второй мировой войны, поддержки Советским Союзом Ирака во время ирано-иракской войны, затяжного строительства атомной электростанции в Бушере, поддержки санкций СБ ООН по ядерной программе и отказа от поставок С-300. Иранская историческая память сохранила только негативные страницы о России, и современные события легче уложить в эту канву, чем переубедить иранцев в том, какая на самом деле Россия [Дунаева, 2022, с. 201–204; Зотова, 2021; Филин, Кокликов, 2022, с. 191–200].

Переменчивая геополитическая основа российско-иранских отношений проявилась в том, какое влияние на них оказывали третьи силы. Как минимум трижды после распада Советского Союза в Иране находили повод считать себя разменной монетой в отношениях между Россией и Западом. Во-первых, в 1995 г. Москва неопублично договорилась с Вашингтоном не заключать новые контракты на поставку вооружений Тегерану. Россия пересмотрела своё решение, когда так называемый протокол Гора–Черномырдина стал достоянием общественности в 2000 г. Во-вторых, в 2006 г. Россия поддержала передачу иранского ядерного досье из МАГАТЭ в СБ ООН и последующие санкции против Ирана. Наконец, с 2009 по 2015 г. Москва отказывалась поставлять Тегерану системы С-300, хотя международные ограничения на них не распространялись.

Вместе с тем поддержка Россией переговоров по СВПД не принесла ей никаких преференций на иранском рынке. После снятия санкций против Ирана российским компаниям стало сложнее конкурировать с европейскими и китайскими контрагентами Ирана. В Москве закрепилось понимание, что, как только у Тегерана налаживаются отношения со странами Запада, сотрудничество с Россией уходит на второй план. Иранская элита стремительно начала экономическую переориентацию на Запад сразу после снятия санкций [Сажин, 2016]. Речь шла не о злостной ориентации в экономике на Запад в ущерб России, а о предпочтении экономического сотрудничества с Западом. До санкций Евросоюз был крупнейшим торговым партнёром Ирана, который нуждался в гигантских инвестициях, а также в передовых технологиях. Российские компании тоже были больше заинтересованы в работе с западными странами, долго присматривались к иранскому рынку и не были готовы предложить сопоставимый объём инвестиций.

Переменчивый геополитический расчёт России и Ирана был обусловлен зыбким фундаментом их экономического сотрудничества: обоим странам было выгоднее взаимодействовать со странами Запада, а не друг с другом [Кожанов, 2015]. Большую часть проблем можно было объяснить многолетними санкциями против Ирана [Mamedova, Obukhova, 2015, с. 106–113], но, когда Россия и Иран оказались под санкциями одновременно и нашли в этом положительную внешнюю конъюнктуру для двустороннего сотрудничества, чётче проявились его внутренние ограничения. Главная причина в том, что в российском и иранском экспорте преобладают энергоресурсы, и при схожей структуре экономики страны

оказываются менее интересны друг другу. На ситуацию влияют и другие факторы: от слабого банковского взаимодействия и пробелов в логистике до сложного делового климата в Иране и недостатка знаний о возможностях двух экономик [Мамедова, 2015, с. 51–63; Мамедова, Паранд, 2017, с. 150–162]. Представляется, что при скоординированной работе российских и иранских государственных структур и бизнеса значение этих факторов со временем нивелируется.

Не имея текста нового двустороннего договора на руках, можно утвердиться во мнении: российско-иранские отношения преждевременно называть стратегическими. У России нет и не может быть военных объектов в Иране, два государства не находятся в общих военно-политических блоках, не признают формально все территории, которые контролируют, под суверенитетом друг друга, при этом допускают взаимные поставки вооружений, состоят в общих политических организациях, наращивают инфраструктурное и экономическое взаимодействие и сближаются идеологически в отношении многополярного мира.

Если российско-иранские отношения и можно назвать стратегическими, то только авансом. Залогом для него служит два фактора. Первый: если по договору 2001 г. в случае конфликта с третьими странами Москва и Тегеран должны были лишь отказаться от содействия противникам, то спустя 20 лет они готовы ещё и поддержать друг друга. Второй: руководство двух стран отныне недостаточно военно-политического взаимодействия – впервые работа по углублению сотрудничества ведётся по всем доступным направлениям. Главный открытый вопрос на этом этапе – насколько устойчивым окажется это стремление.

Учитывая сближение двух стран вопреки разногласиям в чувствительно символических сферах, каково отношение России к иранской ядерной программе? Целесообразно ли России поддерживать переговорные усилия между Ираном и Западом на фоне конфликта на Украине? Какой Иран в большей степени отвечает интересам России: пророссийский или безыдерный? На эти вопросы мы ответим во второй статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Дунаева Е.В. Восприятие современной России в Иране. *Россия и Иран. Пять веков сотрудничества. Сборник материалов международной научной конференции*. Под ред. А.Б. Безбородова, В.В. Наумкина, А.К. Аликберова. М.: РГГУ, 2022. С. 201–204 [Dunaeva E.V. Perception of Contemporary Russia in Iran. *Russia and Iran. Five Centuries of Cooperation. Collection of Materials of the International Academic Conference*. A.B. Bezborodov, V.V. Naumkin, A.K. Alikberov (eds.) Moscow: Russian State University for the Humanities, 2022. Pp. 201–204 (in Russian)].

Зотова Ю.А. Взаимное восприятие в современных российско-иранских отношениях: образ России и Ирана в школьных учебниках истории двух стран. *Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения*. 2021. Т. 21. № 1. С. 157–170 [Zotova J.A. Mutual Perception in Contemporary Relations between Russia and Iran: Image of Russia and Iran in History School Textbooks of the Two Countries. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021. Vol. 21. No. 1. Pp. 157–170 (in Russian)].

Кожанов Н. Оживление в российско-иранских отношениях. *Фонд Карнеги за международный мир*. 2015 [Kozhanov N. Revival in Russian-Iranian Relations. *Carnegie Endowment for International Peace*. 2015 (in Russian)] <https://carnegiemoscow.org/2015/06/15/ru-pub-60391> (accessed: 10.09.2023).

Концепция внешней политики Российской Федерации. *МИД России*. 31.03.2023 [The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 31.03.2023 (in Russian)] <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed: 10.09.2023).

Мамедова Н.М. Сотрудничество России и Ирана: соотношение экономических и геополитических интересов. *Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы*. Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2015. С. 51–63 [Mamedova N.M. Cooperation Between Russia And Iran: Correlation between Geopolitics and Geoeconomy. *Russian-Iranian Relations. Problems and Prospects*. E.V. Dunaeva, V.I. Sazhin (eds.). Moscow: IOS RAS; Tsentr strategicheskoy kon'yunktury, 2015. Pp. 51–63 (in Russian)].

Мамедова Н., Паранд Ф. Торгово-экономические отношения между Россией и Ираном: достижения и возможности. *Партнёрство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития*. Под ред. И.С. Иванова. М.: РСМД, 2017. С. 150–162 [Mamedova N., Parand F. Trade and Economic Relations between Iran and Russia: Potential and Achievements. *Russia-Iran Partnership: An Overview and Prospects for the Future*. Ed. I.S. Ivanov. Moscow: RIAC, 2017. Pp. 150–162 (in Russian)].

Нарышкин заявил об отсутствии сигналов о том, что Иран может отвернуться от России. *TASS*. 23.06.2023 [Naryshkin Claims There Were No Signals Iran Could Turn Away From Russia. *TASS*. 23.06.2023 (in Russian)] <https://tass.ru/politika/18098291> (accessed: 10.09.2023).

Сажин В.И. Иран возвращается. *РСМД*. 01.02.2016 [Sazhin V.I. Iran is Coming Back. *RIAC*. 01.02.2016 (in Russian)] <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-vozvraschaetsya/> (accessed: 10.09.2023).

Сажин В.И., Карамин Дж. Стратегическое партнёрство России и Ирана на новом этапе: что мы можем предложить друг другу? *Партнёрство России и Ирана: текущее состояние и перспективы развития*. Под ред. И.С. Иванова. М.: РСМД, 2017. С. 11–33 [Sazhin V.I., Karami J. Iran-Russia Strategic Partnership at the New Stage: What Could We Propose to Each Other? *Russia-Iran Partnership: An Overview and Prospects for the Future*. Ed. I.S. Ivanov. Moscow: RIAC, 2017. Pp. 11–33 (in Russian)].

Филин Н.А., Кокликов В.О. Восприятие России в истории Ирана (по материалам иранских учебников истории). *Россия и Иран. Пять веков сотрудничества. Сборник материалов международной научной конференции*. Под ред. А.Б. Безбородова, В.В. Наумкина, А.К. Аликберова. М.: РГГУ, 2022. С. 191–200 [Filin N.A., Koklikov V.O. Perception of Russia in the History of Iran (Based on the Iranian History Textbooks). *Russia and Iran. Five Centuries of Cooperation. Collection of Materials of the International Academic Conference*. A.B. Bezborodov, V.V. Naumkin, A.K. Alikberov (eds.). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2022. Pp. 191–200 (in Russian)].

Юртаев В.И. Россия и Иран: проблема стратегического партнёрства. *Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы*. Под ред. Е.В. Дунаевой, В.И. Сажина. ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2015. С. 35–50 [Yurtayev V.I. Russia and Iran: the Problem of Strategic Partnership. *Russian-Iranian Relations. Problems and Prospects*. E.V. Dunaeva, V.I. Sazhin (eds.). IOS RAS; Centre for Strategic Conjunction, 2015. Pp. 35–50 (in Russian)].

Azsargiri-ye Mozākerāt, Behtarin Rāh-e Hall-e Monāqeshe-ye Arzi-ye Zhāpon-Rusiye bar sar-e Chahār Jazire-ye Moured-e Ekhtelāf Vāqe' dar Āqiyānus-e Ārām. *Shourā-ye Rāhbordi-ye Ravābet-e Khāreji*. 2023. [Resumption of Negotiations is the Best Solution to the Territorial Dispute Between Japan and Russia Over Four Disputed Islands in the Pacific Ocean. Strategic Council on Foreign Relations. 2023 (in Persian)] <https://www.scfr.ir/fa/?p=153157> (accessed: 10.09.2023).

Be Nazar Miresad dar Mājerā-ye Ukrāin, Maghclub-e Amaliyāt-e Farib-e Mosko Shode Bāshim. *ILNA*. 2022. [It Seems That in the Case of Ukraine, We Have Been Defeated by Moscow's Deception Operation. *ILNA*. 2022 (in Persian)] <https://www.ilna.ir/fa/tiny/news-1294729> (accessed: 10.09.2023).

Enteghād-e Sarih-e Moshāver-e Rahbari az Rusiye. *TĀBNĀK*. 2023. [Explicit Criticism of Russia by Leader's Advisor. *TĀBNĀK* (in Persian)] <https://www.tabnak.ir/0055AG> (accessed: 10.09.2023).

Enteghād-e Shadid-e Namāyandegān-e Majles az Mavāze'e Zedd-e Irāni-ye Rushā. *Pishkhān*. 2023. [Parliamentarians Strongly Criticize the Anti-Iranian Positions of the Russians. *Pishkhan*. 2023 (in Persian)] <https://www.pishkhan.com/news/311350> (accessed: 09.01.2024).

Gallagher N., Mohseni E., Ramsay C. Iranian Public Opinion on the War in Ukraine and Nuclear Options. A Public Opinion Interim Report. *Center for International and Security Studies at Maryland*

(CISSM). 15.08.2022. <https://cissm.umd.edu/research-impact/publications/iranian-public-opinion-war-ukraine-and-nuclear-options> (accessed: 10.09.2023).

Hich Keshvar-i dar tul-e Tārikh Mānand-e Rusiye Samāsāzgāri bā Manāfe'e Irān Nadāshte ast. *ILNĀ*. 2023 [No Country in History Has Been as Incompatible with Iran's Interests as Russia. *ILNĀ*. 2023 (in Persian)] <https://www.ilna.ir/fa/tiny/news-1377456> (accessed: 10.09.2023).

Kia Sh. Leaked Documents Expose Iranian Regime's Exploitation of Ukraine Crisis for Strategic Gain. *National Council of Resistance*. 17.06.2023. <https://www.ncr-iran.org/en/news/terrorism-a-fundamentalism/leaked-documents-expose-iranian-regimes-exploitation-of-ukraine-crisis-for-strategic-gain/> (accessed: 10.09.2023).

Mamedova N.M., Obukhova A.N. Iran's Foreign Economic Relations in the Region. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 5. Pp. 106–113.

Motahari A. *Twitter*: 2022. https://twitter.com/ali_motahari_ir/status/1496800713279619073 (accessed: 10.09.2023).

Negaresh-e Mardom-e Irān Dar Bāre-ye Jang-e Rusiye va Ukrāin. *Markaz-e Afkārsanji-ye Dāneshjuyān-e Irān*. 2022. [Iranian People's Attitude About the War Between Russia and Ukraine. Iranian Student Polling Association, *ISPA*. 2022 (in Persian)] <https://ispa.ir/Default/Details/fa/3372/> (accessed: 10.09.2023).

Pishnehād-e Ali Akbar Sālehi: Āghāz-e “Goftegu-ye Siāsi bā Amrikā” Monāsebtarin Rāh-e Bāghimānde. *Khabar Online*. 2023 [Ali Akbar Salehi's Suggestion: Starting a “Political Dialogue With America” is the Most Appropriate Way Left. *Khabar Online*. 2023 (in Persian)] khabaronline.ir/xkfx3 (accessed: 10.09.2023).

Rahbar-e Enghelāb: Tavāfoq Eshkāli Nadārad ammā Zirsakhthā-ye San'at-e Haste-yi Nabāyad Dast Bokhorad. *IRNĀ*. 2023 [Leader of the Revolution: There is Nothing Wrong With the Agreement, but the Infrastructure of the Nuclear Industry Should not be Affected. *IRNA* (in Persian)] <https://irna.ir/xjMFYC> (accessed: 10.09.2023).

Rushā Sar-e Mas'ulin-e Irāni rā bā Konsert Garm Kardand. *Khabar Online*. 2023 [Russians Entertained Iranian Officials with a Concert. *Khabar Online*. 2023 (in Persian)] khabaronline.ir/xkdtS (accessed: 10.09.2023).

Tahlil-e Sardār Alāyi az Mājerā-ye “Pahpādhā-ye Irāni dar Jang-e Rusiye va Ukrāin.” *Ensāf*. 2022 [General Alaei's Analysis of “Iranian UAV's in the Russian-Ukrainian War.” *Ensaf*. 2022 (in Persian)] <https://ensafnews.com/377758/> (accessed: 10.09.2023).

Zarif: Zedd-e Rus va Zedd-e Amrikā Budan Barāye Irān Khatarnāk ast. *Shabake-ye Sharq*. 2023 [Zarif: It is Dangerous for Iran to be Against Russia or America. *Shargh*. 2023 (in Persian)] <https://www.sharghdaily.com/fa/tiny/news-887928> (accessed: 10.09.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

МАРГОЕВ Адлан Рамзанович – научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, Москва, Россия.

Adlan R. MARGOEV, Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.

ТОКАРЕВ Алексей Александрович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, Россия.

Alexey A. TOKAREV, DSc (Political Science), Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia.

РАВАНДИ-ФАДАИ Лана Меджидовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Lana M. RAVANDI-FADAI, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.